

Гутова Ляна Адамовна

СПЕЦИФИКА ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ, ПРИУРОЧЕННЫХ К ОБРЯДУ ПЕРВОГО ШАГА

Предмет рассмотрения - обряд, посвященный первому шагу ребенка в традиционной культуре адыгов. В центре внимания мотивы проведения обряда, его функции, вербальный компонент (песни, благопожелания, детские игровые стихотворения), субэтнические и локальные варианты. Явление рассматривается в контексте традиционного уклада и шкалы духовных ценностей адыгского общества в его эволюции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 2. С. 12-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 398.3(471.64)

Предмет рассмотрения – обряд, посвященный первому шагу ребенка в традиционной культуре адыгов. В центре внимания мотивы проведения обряда, его функции, вербальный компонент (песни, благопожелания, детские игровые стихотворения), субэтнические и локальные варианты. Явление рассматривается в контексте традиционного уклада и шкалы духовных ценностей адыгского общества в его эволюции.

Ключевые слова и фразы: обряд; традиция; обрядовые игры; песни; стихи.

Гутова Ляна Адамовна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН
adam.gut@mail.ru*

СПЕЦИФИКА ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ, ПРИУРОЧЕННЫХ К ОБРЯДУ ПЕРВОГО ШАГА

Согласно традиционным представлениям, человек в младенческом возрасте бывает наименее защищен от воздействия всякого рода реальных или мистических сил. Поэтому считается особенно важным своевременно предпринять меры, чтобы предохранить ребенка от любых нежелательных воздействий и, напротив, обеспечить ему здоровое развитие и благополучие. Один из универсальных способов активизации сил добра и нейтрализации носителей негативной энергии – это ритуализация значимых этапов жизненного цикла человека. В свете данного суждения заслуживает внимания обрядовое празднество *лъэтеувэ* (букв.: лъэ – нога, теувэ – ступление, ступить), проводимое у адыгов в честь первого шага ребенка. В традициях адыгов не было принято отмечать дни рождения человека, но данное событие приурочивалось ориентировочно ко дню, когда ребенку исполнялся год: именно к этому времени обычно малыш начинает ходить. Как и многие обряды, *лъэтеувэ* – явление полифункциональное. Во-первых, его проведение призвано оказать магическое воздействие на судьбу, здоровье, устойчивость поступи виновника торжества, во-вторых, в ходе празднества виртуально определялась его будущая профессия, и в-третьих, со дня совершения обряда малыш впервые свободно вступал в контакт со своими сверстниками. Таким образом, с младенчества начиналась социализация личности. На торжество приглашались как взрослые, так и дети, что довольно редко встречалось в системе традиционных праздников. Здесь в центре внимания были сам виновник и его сверстники. Главному обряду предшествовал ритуал становления ребенка на камень, который символизировал твердость, надежность, устойчивость, долголетие. Считалось, что эти качества передадутся малышу. При этом произносили магическую благопожелательную формулу: «Чтобы нога его твердо стояла». У моздокских кабардинцев (Моздокский район Северной Осетии), по преимуществу исповедующих православие, специально к этому событию пекли три хлеба (*хьэлджей / хьэлджейиц – хлеб / три хлеба*) – это были пышки круглой формы. Их проносили между ног малыша три раза, имитируя перерезание пут, а затем все домочадцы отведывали по кусочку этого хлеба [1]. Так же поступали кабардинцы-мусульмане в селении Верхний Акбаш, Кабардино-Балкарии [2]. Адыги, проживающие на сопредельной территории Ставропольского края, представляющие собой часть моздокских кабардинцев, «перерезали» путы малышу не с помощью хлеба, а ножницами, но также пекли три пышки к этому событию [3]. Позже стали готовить хлеб из кукурузной муки, *мэжаджэ*, тоже обязательно круглой формы. То обстоятельство, что до принятия адыгами мусульманства их вероисповеданием было христианство с сильными элементами язычества, находит отголоски в традиционной культуре. Видимо, число три здесь связано с христианской символикой. А круг, согласно языческим верованиям, ассоциировался с добром, благом, чистотой, солнцем. Это сохранялось некоторое время и по принятии канонической религии. Гораздо позже вместо хлеба стали готовить сладкую халву, *хьэлыуэ* (в ее состав входили: пшеничная мука, мед, топленое масло). Халва также должна была иметь круглую форму, судя по всему, в соответствии с языческой традицией. Для проведения обряда ставили традиционный у всех адыгов переносной круглый столик-треножник, а на нем хлеб, халву, разные яства. Со временем функция формы перестала быть актуальной, символика круга истерлась, в то же время осталась традиция ставить особый столик. В настоящее время халва может быть и овальной, и квадратной, и ромбовидной.

Как уже говорилось, по ходу обряда символически «определялась» и будущая профессия ребенка. Для этого халву или хлеб накрывали белой хлопчатобумажной тканью и поверх нее клали разные предметы – в зависимости от пола виновника торжества. Если обряд устраивался в честь мальчика, это могли быть кинжал, газыри, топор, нож, молоток; для девочки на столике раскладывали наперсток, ножницы, нитки, зеркала и другие предметы, символизирующие род занятий взрослой женщины. Независимо от пола на столике могли лежать Коран, письменные принадлежности и пр. Ребенка ставили неподалеку напротив столика, на котором были разложенные в ряд предметы, и отпускали его. Если мальчик, подойдя к столику, выбирал

оружие, то считалось, что впоследствии он будет хорошим воином, молоток – кузнецом или златокузнецом, какой-либо другой инструмент – искусным мастером. Так предугадывалось и будущее девочки.

Перед тем, как подвести ребенка к столику, бабушка малыша исполняла приуроченную обрядовую песенку. Таким образом, она открывала центральную часть праздника и одновременно побуждала дитя сделать свой первый самостоятельный шаг. Существует много песен, приуроченных к данному событию. Тексты их обычно адресны, одни поются специально для мальчиков, другие – для девочек. Особенность песен данного рода – открытая композиция, позволяющая импровизацию в пределах традиционной формы. Характерно в текстах песен призывное междометие *мимэ – мимэ*. Адыгейцы «*мимэ*» заменяли на «*тий-тий*», что тоже означало доброжелательное побуждение к действию [6, с. 83]. В одном из вариантов бабушка сначала пытается заинтересовать ребенка разными стихотворными тирадами, чтобы малыш прислушался, а потом уже совершил ожидаемое, то есть подошел к столу. Она говорит:

<i>Мимэ, мимэ,</i>	<i>Мима, мима,</i>
<i>Мимэ и анэ мэлъагъуэ</i>	<i>Мать мимы просит,</i>
<i>Мимэ, мимэ,</i>	<i>Мима, мима,</i>
<i>Къилъэгъухур джэзд анэц,</i>	<i>Выпрашивает наседку,</i>
<i>Мимэ, мимэ,</i>	<i>Мима, мима,</i>
<i>Джэзд анэжъыр мэгъуалъхъэ,</i>	<i>Наседка высиживает,</i>
<i>Мимэ, мимэ,</i>	<i>Мима, мима,</i>
<i>Ар удзыпэм хешэж.</i>	<i>Выводит столько, сколько звезд <на небе>,</i>
<i>Мимэ, мимэ,</i>	<i>Мима, мима,</i>
<i>И анэ макъуэ мэлъыхъуэ,</i>	<i>Их ведет в траву,</i>
<i>Мимэ, мимэ,</i>	<i>Мима, мима,</i>
<i>И адэр макъуэ къехъыж [7, н. 166]...</i>	<i>Мать его идет искать,</i>
	<i>Мима, мима,</i>
	<i>Отец идет и забирает. (Здесь и далее перевод наш – Л. Г.)</i>

В песне звучат мотивы не только призыва к действию, но также воспевания мнимых достоинств ребенка. Поющий далее подбадривает малыша, произнося хвалебные слова в адрес его родителей, что по аналогии должно перейти на него самого: «...и анэр къан хъыджэбз» – «...мать его девушка-кан» (девушка-кан – девица, воспитываемая знатной госпожой, т.е. получающая тонкое воспитание и не знающая нужды) «...и адэр шыбзыхъуэ хахуэ» – «...отец его – доблестный табуницик», «...и уанэгур дыцэплъ, ...къэзыгъэплъыр и джатэ, ...пызыкъутэр и сэххуэ...» – «...его седло червонного золота, ...то, что зажигает, – его меч, то, что отрубает – его сабля...». Как и в колыбельных песнях, здесь очевиден акцент на то, что мальчику предрекается вырасти мужественным воином, а девочке – идеальной носительницей этикета и мастерицей.

Помимо магической функции песня имеет и сугубо практическую, она призвана побудить малыша ходить: *в честь его первого шага дед заготовил отборный напиток (...и дадэ фадэ пIацIэр и хъэзыриц), а помимо этого ...привязано жертвенное животное, приуроченное к данному случаю (гъэлъэхъуцIэ пхар кIэрытиц) [5].* Далее звучат благопожелания будущей счастливой жизни малыша, связанные с тем, чтобы ребенок непременно стал доблестным воином:

*...Бийм ухуэзэм къуимыкуфу,
Фадэ пIацIэу игу урихъыу,
ХъэфI и цэну уэ усакъыу,
ШыфI и хъэлу уIурыцIэу,
Уи IэцIагъэ бэрыуатэу,
Узэрауатэ къарыубэу,
Бэрэ Тхэм узигъэлъагъу [Там же]!
Чтобы встретившийся враг не смел тягаться с тобой,
Чтобы тонкому напитку подобно, ты мог его <врага> одурманить,
Чтобы как хороший пес осторожным был,
Чтобы как хороший конь послушным был,
Чтобы ремеслом своим ты славен был,
Чтобы слава о тебе как о сильном <воине> была,
Пусть долго я буду видеть тебя.*

Содержание песен, адресуемых девочкам, было иным. Здесь тоже звучал призыв к действию (*мимэ-мимэ*), далее произносились благопожелания: чтобы малышка, выросши, стала счастливой продолжательницей рода: «...насып зацIэу быныбэу, быну къылъхури цауэхъуу» – «...счастливая и многодетная <чтоб была>, чтобы дети, рождавшиеся у нее, мальчики были». Также непременно желали ей иметь кроткий нрав: «...зэхъэ-зэхуэм яфIэкIыу...» – «...чтоб могла ссоры избегать» и стала бы хорошей хозяйкой:

*«...и хъэцIэц санэ фанIэу,
И унапIэр угъурлыуэ,
Унэ гуацэ Тхэм уицI» [4].
Чтобы ее кунацкая была местом питания сано (медовый хмельной напиток – Л. Г.),
Чтобы ее дом был счастливым, –
Пусть Бог сделает ее такой хозяйкой.*

Нередко самые возвышенные благопожелания сочетаются органически с проклятиями. Так, в песне, адресованной девочке, звучат и самые негативные пожелания в адрес тех, кто не будет рад сказанным добрым словам: на головы таких людей призываются все несчастья и беды. Очевидно, что в данном контексте проклятия не что иное, как форма оберега маленького беззащитного создания от дурного глаза, зависти и злых духов. Подобная мера особенно уместна в тексте, посвящаемом девочке, так как она – создание наиболее утонченное, а потому легкоуязвимое и подверженное разного рода негативным воздействиям. Адыгейцы в целях защиты ребенка от сглаза облачали его в рубаху с вышивкой из разноцветных нитей, что было призвано отвлечь взоры присутствующих от малыша [6, с. 81]. Это еще одна, дополнительная, мера предохранения от дурного глаза.

В эпизоде с выбором предмета, лежащего на столике, шапсуги рисовали на полу крестики (в качестве своеобразного путеводителя): ступая по ним, ребенок подходил к столу. Далее малыш мог сам выбрать любой из предметов.

После этого открывалось застолье, всех приглашенных угощали. При этом старшие и младшие, а также мужчины и женщины обычно за один стол не садились, вследствие чего образовывалось несколько компаний. Конечно же, в каждой из них произносились благопожелания в адрес малыша и его семьи.

На этом празднестве присутствовало много взрослых, но все же, в центре всеобщего внимания оставались дети, их игры и развлечения. Были и специальные игры, приуроченные к этому обряду. Например, дети чуть постарше, держась за руки, окружали ребенка, для которого устраивалось торжество, и пели песенку:

<i>Мимэ, мимэ, Сэ соклуэ, сожэ, Щытхэм сахольадэ, Абы сахэбгьадэм [8, н. 128]...</i>	<i>Мима, мима, Я иду, бегу, Подбегаю к стоящим, А если из них выбирать...</i>
--	---

Затем называли имя одного из малышей в кругу, тот, в свою очередь, подбегал к одному из стоящих в хороводе детишек, и тогда тот, к кому он подбежал, становился в центре круга. Незатейливая игра возобновлялась. И так играли, пока детям не надоест.

Интересны варианты стишков, приуроченных к этому обряду. Их тоже существует немало количество (стоит отметить, что тексты таких стишков могли произносить и как песни на открытии этого празднества, такого рода тексты представлены в рукописном архиве КБИГИ и зафиксированы как песни, приуроченные к обряду первого шага ребенка).

Каждое стихотворение варьируется в пределах, дозволенных традицией. Это вызвано необходимостью вставлять в текст имена малышей, их родственников, родителей. Очень красивый вариант стихотворения, с первым шагом ребенка, приводит З. М. Налоев, добавляя от себя близкие для него имена, что вполне соответствует духу традиции:

<i>Мимэ, мимэ, Мимэ кьарэ-кьарэ, Мимэ кьарэ мышэ, Пхьэцхьэмышхьэр мэцацэ, Данэ цыклуэ мэцыпэ, И чы пылэр кьыщенэ. Идар маклуэри мэшынэ, Динэ маклуэри кьехьыж. Мимэ, мимэ, Мимэ, кьарэцауэ. Пхьэцхьэмышхьэр мэцацэ, Идар цыклуэ мэцыпэ, И чы пылэр кьыщенэ. Динэ маклуэри мэшынэ, Алий маклуэри кьехьыж [9, н. 219].</i>	<i>Мима, мима, Мима темный, темный, Мима темный медвежонок, Фрукты осыпаются, Маленькая Дана собирает, Сплетенную из прутьев шапочку оставляет, Идар идет [за шапочкой] – боится, Дина идет [за шапочкой] – приносит. Мима, мима, Мима смуглый мальчик. Фрукты осыпаются, Маленький Идар собирает, Сплетенную из прутьев шапочку оставляет, Дина идет [за шапочкой] – боится, Алий идет [за шапочкой] – приносит.</i>
--	---

Таким образом, в стихотворение вставляли имя любого из детей, причем не только виновников самого празднества, но и просто участвующих в игре.

Реакция детей на концовку была неоднозначной: тот, о ком говорили «...идет – боится», конечно, должен был выражать недовольство, а о ком говорили «...идет – приносит», радоваться. Игра продолжалась до тех пор, пока детям не надоест. Такие занимательные игры являлись неотъемлемым элементом на празднестве. Детские игры были частью обряда, здесь дети проявляли себя, а виновник торжества, как говорилось ранее, не только демонстрировал первый шаг, это было началом его социализации как личности.

Подводя итог, мы можем сделать вывод, что описанная ситуация, как и большинство компонентов традиционной жизни, достаточно обстоятельно регламентирована многовековой традицией, и одним из важных компонентов единого целого здесь является вербальная часть традиционной культуры. Это и благопожелания-хохи, и заклинания, и традиционные коммуникативные формулы, и песенки, и устные стихотворения. Они не отделены от того ритуального контекста, который представляет собой явление синкретическое.

Список литературы

1. **Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований** (Архив КБИГИ). Ф. 12. Оп.1. Ед. хр. 62. Папка № 10. Паспорт 1. Адыгские обряды - Адыгэ тыхьхэр. с. Серноводское. 29.11.1968. Зап. от Ахметовой Хаджет Ельбаздуковны (ок. 60 лет, кабардинка), зап. Гукемух А. М.
2. **Архив КБИГИ**. Ф. 12. Оп.1. Ед. хр. 62. Папка 10. Паспорт 5. с. В. Акбаш. 12.12.1968. Зап. от Коновой Куцы Хамидовны, 68 лет, зап. Аутлева С.
3. **Архив КБИГИ**. Ф. 12. Оп.1. Ед. хр. 62. Папка № 10. Паспорт 8. Хутор Губжоков, Курского р-на, Ставропольского края. 20.11.1968. Зап. от Желокова Анна Федоровна, 1906 г.р., зап. Гукемух А. М.
4. **Архив КБИГИ**. Ф. 12. Оп.1. Ед. хр. 222. Папка 31а. Паспорт 1. а. Адыге_хабль, Карачаево-Черкесская автон. обл. 13.09.1958. Зап. от Саншюков Мах Кантемирович, 1891 г.р., зап. Иванов Х.
5. **Архив КБИГИ**. Ф. 12. Оп.1. Ед. хр. 222. Папка 31а. Паспорт 2. с. Ст. Черек, Урванского р-на. 02.06.1959. Зап. от Иванова Тембулата Асхадовича, 78 лет, зап. Иванов Х.
6. **Джандар М. А.** Песня в семейных обрядах адыгов. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. 144 с.
7. **Льэтеувэ уэрэдхэр** // Адыгэ Иуэрыгуатэхэр. Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапэ. Налшык, 1963. Н. 166-171.
8. **Мэфгэдз С.** Адыгэ хабзэ. Налшык: Эль-Фа, 1994. 359 н.
9. **Нало З. М.** Сабий щэнгъасэ – япэ тхыль. Налшык: Эль-Фа, 1998. 416 н.

THE SPECIFICITY OF FOLKLORE TEXTS DEVOTED TO THE RITE OF THE FIRST STEP

Gutova Lyana Adamovna, Ph. D. in Philology

The Institute of Humanities Researches of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences
adam.gut@mail.ru

The article deals with the rite devoted to the first step of a child in the traditional culture of the Adyghe. The author focuses on the motives of the rite conduction, its functions, the verbal component (songs, good wishes, and children's play poem), and the sub-ethnic and local variants. The phenomenon is considered in the context of the traditional way of life and the scale of spiritual values of the Adyghe society in its evolution.

Key words and phrases: rite; tradition; ritual games; songs; poems.

УДК 821.161.1

В статье предпринимается попытка выявления ключевых и косвенных признаков доминанты экзистенциального сознания в рассказах Н. Тэффи эмигрантского периода посредством анализа их трагикомического характера через призму нового мироощущения писательницы. Упоминаются идеологические и культурные ценности эмигрантов первой волны, бытовые и психологические трудности, сопровождающие ассимиляцию в новую среду; рассматривается их взаимосвязь с изменениями в мировосприятии и творчестве писательницы.

Ключевые слова и фразы: Тэффи; экзистенциализм; эмиграция; ностальгия; экзистенциальное сознание; Русское зарубежье; эмигранты первой волны.

Костенко Диана Евгеньевна

Северо-Кавказский федеральный университет
gurmandiza@mail.ru

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ТИП
МИРООЩУЩЕНИЯ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЕ Н. ТЭФФИ
НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ «РЫСЬ»**

Как известно, русская эмиграция, предшествующая временам 1-й мировой войны, носила преимущественно религиозный и экономический характер. Эмиграция, состоявшаяся уже после 1917 года – белая эмиграция – по праву именовалась «культурной». Такое явление, как Русское зарубежье, и, в частности, литература Русского зарубежья, ознаменовало собой начало трагедии русской культуры XX века. Не удивительно, что творчество писателей и поэтов Русского зарубежья неразрывно связано с философией экзистенциализма и носит, преимущественного, экзистенциальный характер. На фоне этого явления мы наблюдаем практически беспрецедентный случай, когда даже юмористическая литература меняет свою направленность и трансформируется в трагикомическую остросоциальную прозу, которая являет собой своеобразную сублимацию эмоций и состояний, характерных для личности в состоянии экзистенциального конфликта.

Мы привыкли рассматривать философию экзистенциализма как учение о том, что значат для индивида потрясения, связанные с острокризисными жизненными ситуациями, преобразование или деградация его жизненных целей и принципов под гнетом положения, когда он не в силах контролировать ход и исход событий. Несмотря на негативную конфронтацию чувств и глубокий внутренний конфликт, в который человек вступает сам с собой в этот период, чаще всего речь идет о человеческой выдержке и новом витке духовного развития, некоего иного осмысления жизни и понимания ценности и главной цели существования.